

УДК 811.161.1

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ ЛАНДШАФТА

© 2013 г.

Е.М. МарковаМосковский государственный областной университет
Университет Св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия

elena-m-m@mail.ru

Поступила в редакцию 05.12.2013

В статье речь идет о семантической эволюции некоторых славянских наименований частей ландшафта (напр., гора, холм, лука, излучина, река, болото, яма, вертеп, пещера, лес, дебри и др., а также их синонимов), устанавливается типологический характер их смыслового развития, коннотативные нарушения и национально-культурная специфика в русском языке на фоне чешского и других славянских языков.

Ключевые слова: славянские языки, наименования ландшафта, семантическая эволюция, типология, национально-культурная специфика.

Праславянская лексика разных тематических групп в процессе эволюции развила многочисленные вторичные значения, основанные на метафорическом переносе. Семантическая эволюция лексем во многом определяется признаком, положенным в основу наименования, а первичная семантическая модель представляет собой первый этап смысловой эволюции слова [1, с.12]. При анализе дальнейшего семантического развития лексем обращает на себя внимание типологический характер смысловых переходов слов одной лексико-семантической группы. На это указывал и Д. Н. Шмелев, говоря, что слова одной тематической группы, близкие в семантическом отношении, обнаруживают тенденцию к однотипным моделям переносного употребления, «развивают сходные «вторичные» значения или вообще видоизменяют свое основное значение в одинаковом направлении» [2, с. 156]. Это явление, названное «синонимической деривацией», «синонимической аналогией» [3, с. 80], а в аспекте нескольких языков - «семантическим параллелизмом» [4, с. 551], демонстрирует языковую конвергенцию, как внутриязыковую, так и межъязыковую, при всем многообразии лексико-семантических расхождений праславянской лексики в современных славянских языках.

Констатируя универсализм в плане однотипности метафорических моделей, в то же время можно отметить асимметрию, связанную с различной реализацией того или иного метафорического кода, в разных славянских языках.

Наименования, как первичные, так и вторичные, имеют образную основу. При этом вторичные номинации чаще всего основаны на скрытом сравнении и построены по метафори-

ческой модели. Познавая окружающий мир, человек проводил сравнение объектов действительности, уже имеющих наименование, с теми, которые подлежали номинации. Перенос названий с явлений ландшафта, когнитивно, ментально и вербально освоенных одними из первых, на другие сферы жизни и деятельности человека относится к частотным семантическим переносам. Можно выделить ряд направлений метафорического распространения слов ландшафтной тематики.

Человек издревле проводил аналогии между конфигурациями природных объектов и частями тела человека, что послужило мотивацией для некоторых соматизмов [1, с. 61]. Так, слово *горб* известно во многих славянских языках в значении 'выпуклость на спине': рус. *горб*, чеш. *hrb* (откуда *hrbač* 'горбатый человек'), болг. *грѣб* 'спина' (ЭСРЯ). По всей вероятности, здесь мы встречаемся с развитием значения: 'холм, пригорок, горбыль' → 'искривление, изгиб спины'.

Общеслав. *грудь* (болг. *грѣд*, словац. *hrud'* и др.) родственно по происхождению словам *грудка*, *грядка* и обозначало вначале возвышенность (как и наименование этой части тела в германских языках). Название груди как части тела, 'возвышающейся' на туловище, – вторичное, по сходству формы. В некоторых славянских диалектах сохранилось в значении 'возвышенность', напр., пол. диал. *grąnd*, чеш. диал. *hrúd* 'песчаные возвышенности, дюны', болг. поэт. *грудя* 'глыба, ком; бугор' (ЭССЯ). В настоящее время данная лексема является единственным наименованием груди в русском языке, а также входит в состав фразеологизмов: *стоять грудью за кого-либо*, *дышать полной грудью*. Ана-

логичную мотивему имеет и слово *перси* (ЭС-СЯ), древнее славянское название груди, сохранившееся в чешском и в польском, где *prsa* известно не только в значении 'грудь' (PSJČ).

Древнее название позвоночника *хребет* (из **xrbьbьtь*) (ЭССЯ) (ст.-слав. *xrbьbьtь* 'хребет, спина', словен. *hrbèt* 'спина, хребет', 'тыльная сторона', ст.-чеш. *chřbet* 'спина, хребет', словац. *chrbát* то же и др.) связано чередованием с **xribь* 'холм', 'бугор', 'хребет' (ср. чеш. *chřib* 'вершина, кряж, гребень горы', с.-х. *hrib* 'холм, бугор') и восходит к глаголу **skrebtì* (ЭССЯ). Таким образом, значение 'спинной хребет' родственно значениям 'бугор', 'острие'. А лексема *холм*, номинирующая небольшую возвышенность, восходит к индоевропейской основе **kel-* 'возвышаться', 'торчать' (ЭССЯ) и принадлежит к тому же этимологическому гнезду, что и слова *чело*, *челн*, возможно, и *холка*, *хохол* (ИЭСРЯ).

Метафорическим путем образован и соматизм *ладонь*, это буквально 'низменное место', затем 'нижняя сторона (руки)' (КЭСРЯ). Слово *ладонь*, собственно русское переоформление существительного *долонь*, является полногласным вариантом ст.-сл. *длань*, чеш. *dlaň*, болг. *длань* и др. Восходит к праслав. **dolnь*, производного от той же основы, что и *дол* 'низ', *долина* (ЭССЯ). Подтверждением этому является и тот факт, что в некоторых русских говорах *ладонь* наряду с *долонь* сохранилось в значении места: 'ток – место, убитое для молотьбы хлеба', 'гумно', 'площадка для молотьбы на гумне' (Даль, СРНГ).

Универсальным является и перенос с наименований природных, ландшафтных явлений (как правило, представляющих собой углубления, заполненные водой) на отрицательные явления социальной, общественной жизни. Подобный процесс вторичной номинации пережили, например, номинанты: *болото*, *омут*, *яма*, *дрязга*. В переносном значении *болото* характеризует состояние застоя, неподвижности, косности, отсутствие движения (*обывательское болото*, *мещанское болото*). Аналогичный переход произошел и с чеш. *bahno*. Он основан на характерном для болота признаке неподвижности, стоячего характера этого водоема. *Омут* (чеш. *vír*) как 'водоворот на реке', который может затянуть, увлечь на дно (из **obmutь* от **obmutiti*) (ЭССЯ), переносно используется для обозначения негативного влияния чего-л., что может увлечь, 'засосать' человека, привести его к гибели (*омут страстей*, *омут наркомании*). В таком же значении употребляется и слово *яма* (чеш. *jama*).

Слово *вертеп* в современном русском языке обозначает 'притон (преступников, развратников)'. Вместе с тем в древнерусском языке *вьртепъ* означало природное явление - 'пещеру' (СДРЯ), а, по мнению некоторых этимологов, еще раньше – 'извилистый овраг, пропасть или ущелье' [5, с. 76]. В аналогичном переносном значении 'притон, вертеп' было известно и слово *пещера* в старославянском языке (СС), основным для которого было обозначение природного явления - 'пещеры как углубления в скале'. Это значение донныне сохраняется в диалектах украинского языка и в болгарском языке, где *врътопъ* – 'ущелье с извилинами, кривая балка', а также 'водоворот', 'обитель', 'жилище' [там же]. Отправным пунктом развития значения, вероятно, послужил глагол *вертеть*, что отражено и в семантике русского диалектного *вертепужины* 'водороины во множестве, овражистые извилины; сувои, сугробы, раскаты по зимней дороге' (Даль). Дальнейшее развитие семантики: 'водоворот, который может затянуть на дно' → 'общественное явление, которое засасывает' (ср. с аналогичным развитием значения слова *омут*). В чешском подобное развитие произошло только с лексемой *vír*, обозначающей и 'омут', и 'водоворот', а вот чеш. *jeskyně* 'пещера' не получило дальнейшего метафорического значения, подобного старославянскому и чешскому.

Признак 'темный, неизведанный, непонятный' стал основой переноса таких наименований, как рус. *дебри* – 'места, заросшие непроходимым лесом' (напр., в выражении *дебри науки*), *лес* (чаще в сочетании *лес темный* для усиления признака) на обозначение 'сложных, трудных, малоисследованных сторон чего-л.'. Можно говорить о специфичности этой метафоры в русском языке, т. к. в чешском в данном случае используется другой образ – *španělská vesnice* (букв. 'испанская деревня'). Вместе с тем *les* используется в чешском языке как номинант, обладающий признаком 'обилие древесины', что объективировано во фраземах *nosit // vozit dříví do lesa* (букв. 'носить // возить дрова в лес', эквивалентной рус. *ездить в Тулу со своим самоваром*), *roste jako dříví v lese* (букв. 'растут как деревья в лесу', синонимичной рус. *растет как трава в поле*).

Конфигурация ландшафтных объектов стала когнитивной основой названий некоторых качеств человека, например: *прямой* – *прямота*. Указанный перенос произошел уже в древнерусском языке и у слова *лука*, обозначающего 'излучину, изгиб реки, часть суши, образуемую этим изгибом' и 'хитрость', 'обман' (СДРЯ). Прилагательное *лукавый* (как и наречие от него)

было известно не только в значении 'извилистый' ('Иердань... лукаво... течеть'), но и 'ложный', 'лживый', 'коварный', 'неприятный' (СДРЯ). Наряду со значением 'изгиб реки' отмечается и значение 'лукавство, кривизна души' у слова *лука* и в словаре В. И. Даля. *Лука* как обозначение кривизны реки и ее берега послужило семантической и словообразовательной основой для слова *лукавство*. Это развитие значения отмечается только в старославянском и древнерусском языках, но отсутствует в чешском, хотя аксиологическое развитие значения, свойственное архетипической дихотомии *прямой* - *изогнутой*, так же как *правый* - *левый*, известно и в чешском языке (например, чеш. *zahnout* наряду с первичной семантикой 'загнуть, согнуть, повернуть' известно в переносном значении 'изменить жене' подобно рус. *сходить налево*).

Семантическая модель 'что-л. состоящее из мелких частей' → 'нечто бессмысленное, беспорядок' также носит типологический характер, что подтверждается рядом семантических аналогий. Лексемой *дрязги* обозначаются в современном русском языке 'мелкие ссоры, обыденные мелочи, неприятности' (например, в сочетаниях *домашние дразги, заводит дразги*). Вместе с тем в древнерусском языке слово бытовало как обозначение 'леса', 'кустарника' (СДРЯ); в диалектах сохранилось в значениях 'мелкий хворост', 'мокрый снег сверху', 'мелкие домашние вещи', 'отбросы, мусор', 'листва, тростник, прутья, наносимые водой' (СРНГ), а также для обозначения 'болота, поросшего лесом', 'грязи' (ЛАРНГ). О. Н. Трубачев предлагал дифференцировать значения 'лес, кустарник' и 'болото' у данной лексики (ЭССЯ), считая их производными от разных мотивов. Восходя к праслав. **dřęza* / **dręza*, слово *дрязга* известно и в других славянских языках в значениях, близких к семантике мотивирующего глагола **draskati* 'царапать, драть': макед., с.-х. *дрезга* 'растение', болг. диал. *дрезга* 'густое мелколесье', ст.-чеш. *dřezha* 'щепка' (SČS), пол. *drzazga* 'щепка, заноза, осколок'.

Природные явления метафорически служат для передачи большого количества чего-л. Так, название возвышающейся части ландшафта *гора* развило абстрактное значение большого количества в сочетаниях: *гора вещей, книг, бумаг, дел*. Ср. и фразему *пир горой* – 'о шумном пире, обильном угощении'. В чешском языке встречаются аналогичные переносные употребления, напр.: *hora jablek* 'гора яблок', *cihel* 'кирпичей', *knih*.

Употребление номинанта водного потока в значении множества – тоже известная когни-

тивная модель образования количественного значения. *Лес*, собирательное существительное, обозначающее совокупность деревьев, может служить и обозначением множества поднятых рук в обоих языках: *лес рук / les rukou*. Названия водоемов и водных потоков также нередко метафоризируются, становясь обозначениями большого количества: рус. *море слез, цветов, поклонников, улыбок, огней; океан страстей; реки людей, крови, товара*; фразема *хоть пруд пруди* 'очень много чего-л.' также включает в себя название водоема. Подобные переносы отмечаются и в чешском языке, хотя и с некоторой асимметрией. В выборе обозначаемых референций проявляет себя национальная специфика.

В чешском языке наиболее активно в значении 'множество' используются лексемы *moře* 'море' (*moře lidí* 'море народа', *světel* 'огней', *bláta* 'грязи' и т. п.), *řeka* 'река' (*řeka lidí* 'людей', *krve* 'крови'), *vlna* 'волна' (*stávek* 'забастовок', *odporu* 'протеста', *vlasů* 'волос'), *proud* 'течение, струя, поток' (*proud vína, krvi, slz, lidí* и т. п.). Не известны в значении большого количества чеш. *ocean* 'океан', чеш. *rybník* 'пруд' (возможно, из-за прозрачности внутренней формы), в то же время используется в этом значении слово *záplava* 'наводнение' (что может быть обусловлено экстралингвистическими факторами): *záplava dopisů* 'писем', *květů* 'света', *světla* 'света', *nabídek* 'предложений', *hostů* 'гостей', *slov* 'слов'. Ограниченно употребляется слово *potok* 'ручей, поток': *potok potu, slz*.

Названия больших углублений в земной поверхности *пропасть, бездна, прорва* также развили переносные значения множества: *пропасть машин, забот, впечатлений; бездна народа, дел, премудрости; прорва людей*. Подобные употребления, хотя и более ограниченные, чем в русском языке, можно встретить и в чешском: *propastní rozdíl v názorech* 'пропасть во взглядах', *spousta díl, práce, peněz* 'пропасть дел, работы, денег'.

Как показал проанализированный материал, в процессе объективации действительности нередко осуществляется перенос наименований, подчиняющийся законам семантического моделирования. Основные пути развития синонимов как определенных лексико-семантических групп оказываются однотипными, носят универсальный характер. Синонимические связи слов находят выражение и в способности синонимов образовывать сходные ряды производных. Семантический параллелизм не имеет однозначного объяснения, это многофакторное явление, которое может быть результатом развития заложенных в праязыке «одинаковых се-

мантических потенций исконно синонимичных слов» [4, с. 561], следствием позднейшего семантического взаимодействия лексем, а также реализацией универсальных семантических закономерностей. Аналогичное развитие значений синонимов в разных славянских языках обусловлено и исходным единством славянской языковой картины мира.

Список литературы

1. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. Монография. М., 2007.
2. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003.
3. Покровский М. М. О методах семасиологии // В кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. Семасиологические исследования в области древних языков. С. 63–170.
4. Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 2003. С. 549–564.
5. Виноградов В. В. История слов. М., 1994.

Список лексикографических источников и их сокращений

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 2003.

КЭСРЯ – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1995.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.

РФИЭС – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.

СДРЯ – Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003.

СРНГ – Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина). Л.-СПб., вых. с 1965.

СРЯ – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.), 2-е изд. М., 1999.

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 4-е изд. М., 2004.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). М., вых. с 1974.

THE METAPHORIC DEVELOPMENT OF SLAVIC NAMES OF LANDSCAPES

E. M. Markova

This article is devoted to the semantic evolution of the names of certain Slavonic elements of landscape (e.g., mountain, bend, bight, river, bog, pit, den, cave, forest, thickets, etc., as well as their synonyms). The typological character of their semantic development, their connotative widening, and their national and cultural characteristics in the Russian language, as compared with the Czech and other Slavic languages, are established.

Keywords: Slavonic languages, names of landscape, semantic development, typology, national and cultural characteristics.